

DOI 10.5862/JHSS.251.9
УДК 930.1

К.В. Самохин

**МОДЕРНИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XX ВЕКОВ:
СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ, МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ**

В статье выделяются характерные черты русского варианта модернизации. Принципиальная новизна авторского подхода состоит в трактовке войны как фактора российской модернизации. Основой методологии послужила теория модернизации, которая определяется классически как переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Такая трактовка позволяет комплексно рассмотреть изменения в Российском государстве в XVIII–XX вв. во всех сферах жизнедеятельности общества. При сравнении с органичной моделью модернизационных преобразований отмечается длительный и проблематичный характер протекания аналогичных процессов в России, что связано с их асинхронностью. Особое внимание обращено: на отсутствие достаточной сформированности стартовых условий для осуществления модернизационных процессов; догоняющую модель, реализуемую через «вызовы» Запада к русской (славянской) цивилизации; первостепенное значение политической элиты при проведении реформ модернизационной направленности и неорганичность, т. е. асинхронность, модернизационных преобразований в направлении от экономической через социально-политическую к духовной сфере. Материалы статьи могут быть использованы для оценки эффективности проводимых на современном этапе реформ и формирования новой стратегии политического развития Российской Федерации.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ; ВОЙНА; МЕХАНИЗМ; ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ; НЕОРГАНИЧНОСТЬ; СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ; ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ.

Теория модернизации является динамично развивающимся дискурсом в отечественных социальных и гуманитарных науках. К важнейшим стимулам такой динамики следует отнести поиски новой отечественной исторической парадигмы в 1990-х гг., когда наметилась необходимость пересмотра господствовавшего в советский период формационного подхода [11]. В дальнейшем мощнейшим фактором в указанном аспекте стали политические детерминанты, связанные с выбором стратегии государственного развития Российской Федерации в 2000-е гг. [9, 11]. Несмотря на идеологический

аспект возникновения теории модернизации в 1960-х гг. [5], в современных условиях в ней видят серьезнейший методологический потенциал для научных исследований во многих областях гуманитарного знания: «Если методика традиционного подхода хорошо разработана, широко используется и накопила огромный фактический материал, то критерии модернизационной парадигмы всё еще дискутируются и не всегда используются в исторических исследованиях, не говоря уже об их умелой сочетаемости с модернизационной динамикой. Поэтому изучение истории сквозь призму теории

модернизации, получив определенное признание, пока не достигло уровня, необходимого для глубокого понимания произошедшего с Россией в предшествующем столетии и того, что в связи с этим ее ждет в настоящем» [1, с. 8]. Это во многом связано с тем, что российские ученые подходят к модернизационному дискурсу с позиций глубокого научного анализа, не желая, чтобы теория модернизации использовалась только как идеологема, появление которой детерминировано исключительно политической конъюнктурой [19, с. 21, 29].

Таким образом, необходимо констатировать, что теория модернизации подвергается серьезному исследованию на предмет изучения не только перспектив ее применения для объяснения отдельных процессов или определенных периодов российской истории, но и механизмов ее реализации, а также особенностей протекания модернизации, базовых структурных элементов и т. д. Среди данного круга вопросов немаловажной представляется проблема готовности Российского государства к модернизационным преобразованиям. От ее решения будут зависеть ответы на другие поставленные выше вопросы, которые являются узловыми для исследователей теории модернизации. Решая обозначенные ранее проблемы, мы тем самым выйдем на характеристику особенностей российского варианта модернизации.

Следует заметить, что исследователями выделяются различные критерии определения сформированности в России необходимых стартовых условий для проведения модернизации. Например, Р.Г. Апресян в книге «Консолидация и модернизация России» по данному вопросу пишет: «Важными предпосылками модернизации являются: а) степень консолидированности и организованности общества, в особенности консолидированности по признаку приверженности неким объединяющим людей идеалам, пусть и в частном выражении „национальной идеи“, по признаку признания ценности социальной справедливости; б) степень оформленности и институционализированности публичного дискурса; в) степень социальной однородности общества, как минимум поддерживаемой системой эффективно действующих „социальных лифтов“; г) возможности общества, к тому же в лице его различных групп, влиять на процессы принятия решения;

д) авторитет государственной власти, верховной, региональной и местной; е) развитость стандартов профессионализма» [2, с. 119].

И.В. Побережников в статье «Человеческий потенциал российской имперской модернизации» определяет критерии готовности России к модернизации таким образом: «Акцент на человеческий потенциал модернизации представляется попыткой обновления модернизационного подхода, попыткой взглянуть на модернизацию „изнутри“, с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, отчего во многом и зависят перспективы развития страны вообще» [12, с. 11].

Несмотря на очевидное сходство взглядов обоих исследователей в определенных аспектах, налицо различие их подходов к обозначенной выше проблеме. В частности, Р.Г. Апресян, исходя из изложенных ранее критериев, говорит о небольшом или ничтожном модернизационном потенциале Российского государства [2, с. 119]. И.В. Побережников в результате своего анализа заключает: «Итак, человеческий потенциал одновременно являлся и предпосылкой, и индикатором динамики модернизации. В России человеческий потенциал демонстрировал достаточную гибкость и готовность адаптироваться к условиям модернизации. При этом невысокие показатели образованности свидетельствовали о низком и позднем старте модернизации» [12, с. 15]. Проблему готовности Российской империи к модернизации и определения критериев этой готовности необходимо считать остро дискуссионной.

При оценке сформированности стартовых условий России для осуществления модернизационных процессов следует дать дефиницию самого термина «модернизация», так как это имеет первостепенное методологическое значение для нашего исследования. В нашем понимании, модернизация – это переход от аграрного общества к индустриальному, т. е. комплексный процесс, который проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества [14, с. 12]. В экономике имеют место установление базовых принципов рыночной системы, динамичное развитие сельского хозяйства и индустриализация, складывание мировой эконо-

мики при международном разделении труда на основе развития транспорта и коммуникаций; в политике – расширение функций государства, а также расширение границ демократического режима как географически, так и социально для внедрения принципов гражданского общества и правового государства; в социальной сфере – четкое разделение функций между индивидами и социальными общностями, повышение уровня социальной мобильности, широкий процесс урбанизации; в духовной сфере – формирование общечеловеческих ценностей на основе развития образования, установления светского образа жизни, различных видов плюрализма (религиозного, научного, философского и т. д.), приобщения широких слоев населения к достижениям культуры, дифференциация, с одной стороны, и интеграция, с другой, разнообразных типов культур и цивилизаций. Такое понимание модернизации для истории России следует применять в период с XVIII до 90-х гг. XX в. Начальная дата обусловлена первым опытом перехода Российского государства от традиционного общества к современному, связанным прежде всего с реформами Петра I. Окончание этого перехода детерминировано включением России в процессы глобализации, которая временами трактуется как логическое продолжение модернизации, но не является для нее синонимичным понятием.

На наш взгляд, проблему готовности Российской империи к проведению модернизации необходимо решать через обозначенные выше ее структурные элементы в различных сферах жизнедеятельности общества.

Рубеж XVII–XVIII вв. Россия встретила как страна традиционного типа. При характеристике традиционного общества обычно выделяют следующие черты:

- геополитически понятие «Восток», с которым связывают традиционное общество, охватывает культуры и цивилизации Индии, Китая, Японии и исламских стран;
- в экономической сфере – низкий уровень развития производства, государственная или корпоративная монополия на собственность, производство направлено на удовлетворение насущных, сиюминутных потребностей и др.;
- в политической сфере – авторитарный тип мышления, связанный с деспотической формой правления;

- в социальной сфере – воспроизводство социальных структур и стабильность устоявшегося образа жизни, связанные с жесткими границами социальных корпораций и отсутствием социальной мобильности, что в итоге приводит к коллективистскому характеру общества и отказу от выделения в структуре личности такого элемента, как индивидуальность или персональное «я»;

- в духовной сфере – ориентация на традиционные образцы поведения, вписанность человека в мир природы, господство религиозно-мифологических представлений, установка на созерцание, безмятежность, что в абсолютном варианте реализовано в принципе «не-деяния».

Здесь следует оговориться, что термины «Запад» или «Восток» применительно к теории модернизации необходимо использовать не в плане географических понятий, а как концепты, которые отождествляют собой «современное» или «традиционное» общества [19, с. 59–60]. Несмотря на то что Россия в классическом варианте не может быть отнесена к восточным странам (этому противоречит в первую очередь ее геополитическое положение), основными чертами традиционного общества к началу Петровских преобразований она обладала, поэтому к 80-м гг. XVII в. ее следует причислить к государствам Востока именно в концептуальном значении. Для подтверждения данного тезиса проанализируем характерные черты развития России в различных сферах жизнедеятельности общества на предмет ее готовности к модернизационным процессам.

Экономика Московского государства в большей степени обладала необходимыми условиями для проведения модернизации, чем остальные сферы жизнедеятельности общества. Безусловно, основной единицей промышленного производства в середине XVII в. оставалась ремесленная мастерская, однако во второй его половине стали появляться мануфактуры различных типов: централизованные и рассеянные; вотчинные, казенные и купеческие. При всем этом особенностью указанного процесса было широкое использование труда крепостных крестьян при организации мануфактурного производства. Тем не менее первичная стадия формирования условий для дальнейшего промышленного переворота имела место [15, с. 53–55, 57].

Еще одним важным фактором складывания основных принципов рыночной системы стало начало образования всероссийского рынка, о чем свидетельствуют, к примеру, возникновение регулярных ярмарок, оформление купечества как особого сословия горожан, проявление товарной специализации отдельных регионов страны. Здесь же следует отметить и выработку государственной политики в отношении внешней торговли, что подтверждается протекционистскими и меркантилистскими мерами в 40–50-х гг. XVII в. Однако имели место методы наполнения государственной казны, которые невозможно назвать квалифицированными. Они обусловили возникновение народных движений, и в первую очередь Соляного (1648) и Медного (1662) бунтов [15, с. 55–61].

Итак, можно сделать вывод об имеющихся определенных экономических подвижках в Русском государстве к складыванию принципов рыночной экономики, но они во многом нивелировались сложившейся системой сословных, политических и духовных отношений, что наводит на мысль о необходимости проведения модернизации. Однако на этом готовность России к модернизационным преобразованиям заканчивается.

В политическом плане XVII в. в российской истории отмечен становлением абсолютной монархии. Проявления этого процесса обычно обозначаются следующим образом: падение влияния Боярской думы; прекращение созыва Земских соборов; принятие Соборного уложения (1649), закрепившего усиление царской власти; противостояние Алексея Михайловича и патриарха Никона, закончившееся ростом светских тенденций в развитии Русского государства, и т. д. Таким образом, политическая сфера характеризовалась особенностями, присущими традиционному обществу, так как перспективы демократизации и либерализации государственного строя, складывания основ правового государства и гражданского общества не были даже обозначены.

В социальной сфере то же самое Соборное уложение завершило процесс закрепощения крестьянства – наиболее многочисленного сословия в составе русского населения. Естественно, что этот процесс, дополненный складыванием основ крепостной зависимости среди других сословий и слоев русского общества в

период правления Петра I, был прямой противоположностью характеристикам индустриального этапа, на котором приоритетными направлениями развития должны быть урбанизация и повышение уровня социальной мобильности.

Что касается духовной сферы, то она определялась основными установками крестьянского менталитета, полностью вписывающимися в образцы традиционного общества: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами [7; 13, с. 91–102]. Акцент именно на крестьянской ментальности делается в данном случае из-за того, что в описываемый период российской истории крестьянство преобладало в составе населения Русского государства. Однако менталитет других слоев и сословий не сильно отличался от перечисленных выше принципов. И здесь мы видим прямую противоположность главным особенностям индустриального Запада без каких-либо предпосылок для зарождения мультикультурализма, который является конечным итогом модернизации духовной сферы.

Таким образом, общий вывод относительно готовности России к проведению модернизационных процессов следующий: русское общество имело слабый потенциал для реализации преобразований и реформ в модернизационном плане. Если экономическая сфера начинала подвергаться необходимым изменениям, то тенденции политического и социального развития обладали противоположной направленностью. В дополнение к этому установки русского менталитета не позволяли приветствовать какие-либо инновации, особенно кардинальные. Однако идея о полном отсутствии условий и предпосылок для проведения модернизации в России также не имеет под собой каких-либо оснований.

В итоге Русскому государству требовались «вызовы» Запада для того, чтобы вступить на путь модернизации. Так как концепция «вызов – ответ» детально разработана в книге А.Дж. Тойнби «Исследование истории», необходимо в первую очередь рассмотреть ее базовые понятия в оригинальной трактовке применительно к российской истории. Английский мыслитель интерпретировал «вызовы» как «си-

туацию особой сложности, которая побудила его (человека. — К. С.) предпринять беспрецедентную до того попытку» [16, с. 395]. Именно указанная «попытка», т. е. «ответ», приводит человека к новой стадии своего развития — цивилизации [Там же. С. 143—157].

На вопрос «Почему Россия должна была иметь „вызовы“ западной цивилизации в качестве первостепенной основы для своего дальнейшего развития?» у Тойнби можно найти следующий ответ: «Начиная с окончившейся неудачей второй осады турками Вены в 1683 г. вплоть до поражения Германии во Второй мировой войне 1939—1945 гг. Запад как целое настолько превзошел в своей власти весь остальной мир, что фактически не осталось никого, с кем западные державы могли бы считаться за пределами своего круга» [17, с. 197]. Иными словами, страны Западной Европы, начав осуществлять органичную модернизацию с XV—XVI вв., настолько преуспели в своем развитии, что смогли себе позволить в определенном смысле мессианскую роль, распространяя свой образец, свою модель траектории дальнейшего пути на более широкий круг цивилизаций традиционного типа.

При этом Тойнби выявил три «ответа» российской цивилизации на «вызов» Запада, связанный преимущественно с технологическими достижениями последнего:

1. Серьезное противодействие России, выразившееся в виде «фанатичной секты староверов».

2. «...Радикальное „иродианство“, нашедшее своего гениального представителя в Петре Великом».

3. «Позорный крах военных усилий России в Первой мировой войне 1914—1918 гг. выявил страшную реальность, показав, что проводившаяся в течение более двух веков Петровская политика вестернизации оказалась не только нерусской, но также и безуспешной. Она не выполнила взятые на себя обязательства, и в этих обстоятельствах долго подавлявшаяся претензия на уникальность судьбы России вновь заявила о себе в коммунистической революции» [Там же. С. 203].

Существующие «вызовы» Тойнби классифицировал следующим образом:

- 1) стимул суровых стран,
- 2) стимул новой земли,
- 3) стимул ударов,

4) стимул давлений,

5) стимул ущемления.

Исходя из этой классификации, решающим типом «вызовов» для России к началу XVIII в. стал «стимул ударов». Одним из таких «стимулов» были войны, но только в том случае, когда «неожиданное сокрушительное поражение способно стимулировать побежденную сторону к приведению своих дел в порядок и подготовке победоносного ответа» [16, с. 398]. В данном случае с выводом Тойнби согласны и американские исследователи Э. Тоффлер и Х. Тоффлер: «Войны прошлого тянут к нам руки и меняют нашу сегодняшнюю жизнь. Потоки крови, пролитые сотни лет назад из-за причин, ныне забытых, сгоревшие, разбитые, сожженные, посаженные на кол или разлетевшиеся в пыль тела, дети со вздутыми животами и палочками ручек и ножек — всё это формировало мир, в котором мы сегодня живем» [18, с. 28].

Если мы возьмем один из современных энциклопедических словарей — «Военный энциклопедический словарь», то увидим в нем следующее определение: «Война — это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия» [3, с. 337]. Но в данном определении вскрывается только суть такого феномена, как война, за пределами этой дефиниции осталась оценка влияния войны на развитие истории человеческого общества.

Безусловно, следует согласиться с тем, что война на протяжении истории человечества была одним из средств разрешения конфликтов между противоборствующими сторонами, поэтому очень часто всемирную историю представляют как историю войн. Тем не менее интерпретации влияния войны на развитие общества пестрят своим разнообразием, но из них следует диалектический характер воздействия войн на формирование человечества. С одной стороны, война приносит массовые разрушения и гибель людей, но, с другой, она способствует путем разрешения противоречий дальнейшему становлению народов и цивилизаций. Как известно, технический прогресс и развитие науки в

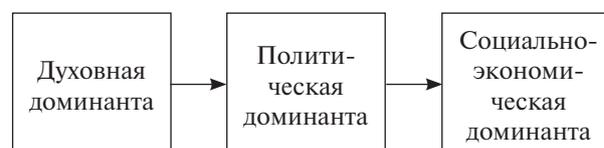
XX–XXI вв. часто имели в своей основе именно военный фактор. Разработки для военно-промышленного комплекса нередко становились приоритетными направлениями для выделения ассигнований из средств государственного бюджета многих стран, что часто переводило их в разряд локомотива для развития науки и техники. Но в этом факте нельзя видеть только отрицательные моменты, и здесь основным положительным свойством будет не только укрепление обороноспособности своего государства. Немаловажным эффектом для развития общества обладают и конверсионные процессы.

Исходя из данных рассуждений, можно сделать вывод, что именно войны, которые вело Российское государство с крупнейшими державами Запада, стали основным «вызовом» для модернизационных процессов в России в XVIII–XX вв. При этом немаловажное значение имели масштабность и результат этих военных конфликтов. Если война носила локальный характер и/или заканчивалась победой русских войск, то она не обладала положительным эффектом для инициирования/продолжения российской модернизации. Иное дело, когда война распространялась на крупный регион или, более того, приобретала континентальный или мировой масштаб и завершалась серьезным поражением России, – в этом случае модернизационные процессы в Российском государстве получали начальный/очередной импульс для своей реализации. Подобная формулировка последней мысли вполне оправданна, так как российская модернизация имела в качестве своего источника именно правящую элиту, которая в данном случае и являлась основным актором ее осуществления. Этот вывод можно сделать, исходя из проведенного выше анализа стартовых условий в России, который позволил вывести положение о том, что в целом Российское государство вступило на путь модернизационных преобразований, имея для этого слабый потенциал.

Начало модернизационных процессов в Российском государстве следует отсчитывать от времени правления Петра I. Здесь нужно оговориться, что у исследователей перехода от традиционного общества к индустриальному нет единого мнения относительно его старта. И.В. Побережников провел первичный анализ различных мнений на этот счет и пришел к вы-

воду: точка отсчета российской модернизации лежит в интервале от XVI до рубежа XIX–XX вв. Главной причиной отсутствия единой точки зрения у исследователей является само понимание термина «модернизация» [12, с. 12]. В связи с тем, что нами была дана одна из самых широких дефиниций обозначенного выше концепта, начало модернизационных процессов необходимо отнести к началу XVIII в., когда основные черты Петровских преобразований уже более или менее оформились. Для периода от XVI до середины XVII в. идея начала модернизации в России была еще не так актуальна. Приведем свои рассуждения на этот счет.

В основе европейской модернизации лежали в первую очередь такие процессы, как промышленный переворот (с его трансформациями не только экономической сферы, но и социальной); Возрождение, Реформация и Просвещение, заложившие основы духовного перехода к новым ментальным установкам в мировоззрении человека западного типа, а также либерализация политических процессов, результатом которой явились основы формирования правового государства и гражданского общества. К концу XVII в. в Западной Европе произошел духовный переворот на основе: Ренессанса – эпохи, которая привела к обоснованию антропоцентризма и складыванию гуманистических ценностей; Реформации, положившей начало религиозному плюрализму, оформлению протестантизма с его особой этикой трудовых отношений и ростками секуляризации общественного сознания, а также Просвещения – периода установления рационализма, продолжившего тенденцию выведения из-под влияния церкви основных мировоззренческих принципов европейцев. Относительно же экономических трансформаций следует отметить, что даже в передовой экономической державе того времени – Англии – только создавались предпосылки для промышленного переворота, хотя именно в этой стране уже победила «славная революция», что стало основой для демократизации политического строя. Таким образом, западная модернизация имела следующий тренд:

Следует учесть, что эти процессы были хронологически не сильно разделены во временном интервале, коррелировали друг с другом и проходили естественным путем, когда политическая элита не была основополагающим фактором их проведения. В этом заключается органичность западного типа модернизации. Однако к концу XVII в. большая часть остальных европейских государств в отличие от Англии таким прорывом в модернизационном направлении не отличалась.

Исследователь В.Г. Федотова сформулировала выводы о влиянии Запада на остальной мир в модернизационном ключе следующим образом: «Неизбежен вопрос: заставлял ли Запад броситься остальной мир вдогонку, ломая привычный ход событий, болезненно ускоряя прогресс и для этого круша традиции, попирая парадигму мышления наций? Во многих случаях заставлял, и делал это самым насильственным образом, когда, например, войска колонизаторов покоряли столицы инков и индусов. Но в других случаях – в Пекине, Стамбуле – мощь государств была еще достаточно сильной, чтобы не допустить прямого военного насилия. Однако эти страны сопротивлялись уменьшению своего веса в мире, и с появлением такого соперника, как Запад, они могли сделать это, только ускорив свое развитие» [19, с. 38]. Примерно в такой же ситуации оказалась и Россия накануне начала процессов модернизации, только основной задачей для нее было не сохранение своих позиций, а увеличение влияния на международной арене. Опираясь на эти рассуждения, необходимо заключить, что в XVI и даже в середине XVII в. для России такие цели ставить было рано, да и Запад в то время еще не был готов к своей мессианской роли. Однако из всего вышесказанного следует, что Россия оказалась в числе стран, которые относились к государствам «второго эшелона» при развитии капиталистических отношений, поэтому для характеристики ее модернизационных процессов часто применяют термин «догоняющая модернизация», с чем мы полностью согласны.

Основные характеристики модернизации догоняющего типа достаточно четко сформулировала В.Г. Федотова: «Видя неожиданный подъем Запада, многие незападные страны также вступили на путь модернизации, взяв Запад за образец и стремясь догнать его. Среди них

была и Россия. Догоняющая модернизация отличалась от западной. Это был неорганически-мобилизационный тип развития, вовлекавший страны доиндустриального развития. У него был внешний источник – успешный пример Запада, воспринимавшийся как основание для решения внутренних задач преодоления отсталости и ускорения развития. Характер развития – догоняющий, неравномерный, имеющий циклический характер: возвраты назад и возвращение к модернизации. Механизм развития – мобилизация. Темпы развития – медленные. К культурным, духовным предпосылкам относится вера прозападных элит в прогресс, рассмотрение своих стран как отсталых. Образ будущего – вхождение в семью западных народов или приближение к Западу. На пути такой модернизации достигнуты существенные успехи, но вместе с тем процесс явился незавершенным» [Там же. С. 115].

В подтверждение рассуждений, изложенных выше, наметим общие исторические контуры тезиса о том, что именно масштабные и неудачные в плане результативности для России войны с Западом стали главным «вызовом» для процессов российской модернизации, и это следует определить как механизм ее реализации.

Первым иницирующим фактором российской модернизации стала Северная война. По своим масштабам и результатам она не должна была сыграть такую роль, так как являлась локальным конфликтом и Россия по ее итогам одержала одну из самых славных побед в своей истории. Однако начальный этап этой войны был крайне печальным опытом для Петра I, но в то же время показал необходимые ориентиры для развития Российского государства. Швеция к первой четверти XVIII в. «стала самой сильной страной Балтийского региона и Скандинавии и одной из великих держав Европы» [4, с. 338], в ней уже была осуществлена королевская Реформация, а реформы Густава II Адольфа явились образцом для многих преобразований Петра I.

Практически с самого начала российская модернизация приобрела неорганический характер, который выразился в асинхронности ее процессов в различных подсистемах жизнедеятельности общества [8, с. 46]. Наиболее значительным изменениям подверглась экономика как сфера, наиболее подготовленная к модерни-

зации. Налоговые реформы, развитие торговли и рост мануфактурного производства являются в данном случае весомыми доказательствами, но их не стоит переоценивать, так как речь идет лишь о начальном этапе становления рыночных отношений в Российском государстве. Аналогичный характер носили и изменения социальной сферы: здесь, в первую очередь, имеется в виду активизация процессов социальной мобильности за счет: а) введения нового принципа комплектования армии, который способствовал изменению сословной принадлежности определенного количества людей, подлежащих рекрутской повинности; б) изменения деятельности дворянского сословия, связанного с обязательной государственной службой; в) наконец, Табели о рангах, позволявшей менять социальный статус. Политические реформы Петра I не способствовали формированию правового государства и гражданского общества, а ментальные установки и быт оказались под влиянием модернизации преимущественно только у дворян, в то время как главные элементы духовного мира крестьянства и преобладающей доли представителей других сословий русского общества остались незатронутыми в этом плане. В итоге неорганичный характер модернизационных процессов обещал России сложный, длительный и противоречивый переход от традиционного общества к современному.

При преемниках Петра I в XVIII в. особенности российской модернизации сохраняли свое постоянство. Противостояние со Швецией 1700–1721 гг. не имело аналогов в плане масштабов и результативности для модернизационных процессов в этот период. Практически все военные конфликты послепетровского периода XVIII в. закончились для России положительным исходом, поэтому следует говорить о модернизационном импульсе Северной войны для изменений и реформ в Российском государстве вплоть до наполеоновских войн.

В авангарде модернизации по-прежнему находилась экономическая сфера: относительно быстрыми темпами продолжало развиваться мануфактурное производство, в котором повышался удельный вес вольнонаемного труда; ощутимые последствия имели меры российских монархов в отношении торговли; сельское хозяйство — основная отрасль экономики того времени — втягивалось в рыночные отношения.

Однако эти тенденции, как и социальная сфера, на пути перехода к индустриальному обществу сдерживались наличием в России крепостного права. Процессы социальной мобильности, и без того слабые в первой четверти XVIII в., замедлили темпы своего развития при преемниках Петра I, но в данный период немного повысился уровень урбанизации [10, с. 129–131].

Политический строй Российского государства характеризовался как абсолютная монархия, и в данном случае не важно какого типа — полицейская или просвещенная. Отмечаемые историками черты правового государства при Екатерине II [6, с. 457] очень далеки от современных трактовок этого термина. Указанные выше ментальные установки русского населения и в этот период не претерпели никаких существенных изменений. Таким образом, в XVIII в. при преемниках Петра I процессы российской модернизации шли под воздействием Северной войны, но они утратили динамику своего развития.

В начале XIX в. Запад повлиял на российский переход от аграрного общества к индустриальному через наполеоновские войны, и прежде всего через Отечественную войну 1812 г. Масштабность данных военных конфликтов переросла узкорегionalные рамки, распространившись практически на весь европейский континент. Боевые действия в ходе кампании 1812 г. характеризовались двойственным образом: наступление французских войск до Москвы и их отступление в рамках второго этапа войны, что не может не вызывать аналогию с Северной войной. Однако Россия к этому моменту уже имела определенный модернизаторский опыт, поэтому модернизация Российского государства в первой половине XIX в. носила не столь радикальный и насильственный характер, как при Петре I. Здесь следует отметить еще одну оформившуюся тенденцию: активизация общественного движения препятствовала модернизационным преобразованиям, так как заставляла российских монархов переходить к более консервативному курсу.

Наиболее важными событиями экономической модернизации стали денежная реформа Е.Ф. Канкрин, свидетельствующая об относительно квалифицированном регулировании денежного обращения в России, и начало промышленного переворота и строительства

железных дорог в 1830–1840-х гг. Но, как и в предыдущий период, процессы экономической модернизации сдерживались наличием крепостного права, теперь уже преимущественно у крестьян, хотя первые шаги к его отмене были сделаны. По-прежнему незначительными темпами повышался уровень урбанизации [10, с. 129–130]. В политическом плане слабые либеральные начинания Александра I были сведены на нет консервативностью второго периода его царствования и реакционностью режима правления Николая I. Однако кодификация русского права, проведенная в 30-х гг. XIX в., продолжила тенденцию становления правового государства, намеченную в царствование Екатерины II. Существенных подвижек в ментальности большинства русского населения в этот период не произошло.

Модернизация второй половины XIX в. имеет более динамичный характер, что связано с большим приближением Крымской войны к указанным выше характеристикам: региональный масштаб боевых действий со значительным участием Великобритании и Франции и общее итоговое поражение России. Главным результатом для процессов российской модернизации в целом, и в социальной сфере в первую очередь, стала отмена крепостного права. Эта реформа, а также преобразования либеральной направленности 1860–1870-х гг. существенно увеличили темпы повышения уровня социальной мобильности и урбанизации. Создание рынка свободной рабочей силы, ускоренное завершение крестьянской реформы в 1880-х гг., а также деятельность М.Х. Рейтерна, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте на посту министра финансов стали основой для окончания промышленного переворота. Для Российской империи 90-е гг. XIX столетия ознаменовались промышленным подъемом и значительным повышением уровня урбанизации. В политическом плане была продолжена тенденция на сохранение основ абсолютной монархии с частичным вкраплением элементов правового государства и гражданского общества. Духовная модернизация оставалась в зачаточном состоянии и касалась преимущественно высших слоев населения.

В начале XX в. основным фактором, обусловившим продолжение российской модернизации, стала Русско-японская война 1904–1905 гг.

Характер этой войны необходимо определить как локальный, результат для России – тяжелое, позорное поражение. Японию к тому моменту по итогам «реставрации Мэйдзи» необходимо причислить к странам Запада. Этот военный конфликт определяется современными историками как одна из причин Первой русской революции 1905–1907 гг. Главным политическим результатом последней является складывание в России дуалистической монархии – промежуточного варианта на пути перехода от абсолютизма к конституционализму. Таким образом, в Российской империи получила свое развитие политическая модернизация.

Экономический переход от аграрного общества к индустриальному, до этого момента являвшийся локомотивом модернизационных процессов, замедлил темпы своего развития, о чем свидетельствуют спад и депрессия 1901–1909 гг., однако в предвоенный период экономика России продолжила поступательное движение на волне экономического подъема 1909–1914 гг. Такой же противоречивый характер носила и социальная модернизация, характеризовавшаяся повышением уровня социальной мобильности, но относительно вялыми темпами урбанизации. Духовный переход Российской империи от традиционного общества к современному по-прежнему находился в зачаточном состоянии, о чем свидетельствует сохранение большинством русского населения основных ментальных установок, присущих традиционным обществам.

Пожалуй, самое большое влияние на процессы российской модернизации оказала Первая мировая война 1914–1918 гг. Последовавшие за ней революционные события 1917 г. повлекли за собой масштабные радикальные перемены в России, когда был предпринят беспрецедентный в истории эксперимент по созданию идеократического государства. Однако советский авторитарно-тоталитарный режим был очень далек от характерных черт правового государства и гражданского общества. В экономике проведенная индустриализация в конечном итоге привела к необходимому результату: Советский Союз стал индустриальной страной, правда, только после Второй мировой войны 1939–1945 гг. Но сложившаяся административно-командная система явно не соответствовала принципам рыночной экономики.

Социальная модернизация в советский период получила свое законченное выражение, когда усилилась социальная мобильность, а уровень урбанизации стал достигать необходимых значений, однако эти процессы замедлялись под воздействием идеологических установок при помощи введения той же паспортной системы или института прописки, очень напоминающих элементы крепостного права. Традиционные установки крестьянского менталитета претерпели существенные изменения, но не в сторону складывания мультикультурализма, а в направлении установления коммунистической «квазирелигии». Иными словами, Первая мировая война стала настолько сильным «вызовом» для российской модернизации, что та в своем сопротивлении двинулась по отклоняющемуся пути.

Вторая мировая и холодная войны продолжили наметившиеся тенденции, их следует считать логическим продолжением Первой мировой в плане трансформаций, которые претерпела западная цивилизация в XX столетии. В этот период европоцентризм утратил свои ведущие позиции, и часто делающиеся прогнозы относительно мировых международных отношений гласят, что Запад может потерять свою гегемонию в мире. Это приведет к исчезновению идеи единственного образца, примера при выборе альтернативы дальнейшего пути

для незападных стран в плане проведения модернизации.

Таким образом, можно выделить следующие особенности российской модернизации:

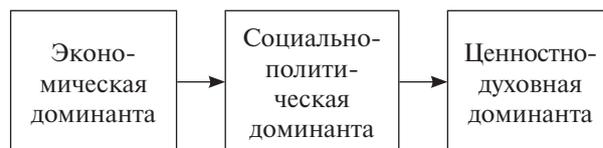
1. Российское государство имело слабый потенциал для модернизаторских усилий.

2. В связи с относительно поздним началом переход России от традиционного общества к современному относится к догоняющему типу.

3. Главным актором российской модернизации является политическая элита.

4. Насильственный характер перехода России от аграрного общества к индустриальному обусловил его неорганичный характер, связанный с асинхронностью процессов в различных сферах жизнедеятельности общества.

5. Общий тренд российской модернизации существенно отличался от западного и имел следующий вид:

6. Основным фактором, инициировавшим и продолжавшим модернизационные процессы, своеобразным «вызовом» Запада к российской (славянской) цивилизации были войны, которые Россия вела с западными странами и которые закончились для нее поражением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев В.В.** Вступление // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 7–10.

2. **Апресян Р.Г.** Смыслы социально-политической консолидации в современной России // Консолидация и модернизация России. М., 2014. С. 115–133.

3. **Военный** энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. М., 2001. 848 с.

4. **История** Средних веков. В 2 т. Т. 2. Раннее новое время: учеб. / под ред. С.П. Карпова. 5-е изд. М., 2005. 432 с.

5. **Калхун К.** Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 27.03.2016).

6. **Каменский А.Б.** От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.

7. **Кожевникова Л.М.** Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Истори-

ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85–90.

8. **Красильщиков В.А.** Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.

9. **Медведев Д.** Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 27.03.2016).

10. **Миронов Б.Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. 548 с.

11. **Модернизация** России и Европа: стенограмма «круглого стола». URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 27.03.2016).

12. **Побережников И.В.** Человеческий потенциал российской имперской модернизации // Человек в условиях модернизации XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 11–16.

13. **Поршнева О.С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000. 416 с.

14. **Российская модернизация: проблемы и перспективы: матер. «круглого стола» // Вопросы философии.** 1993. № 7. С. 3–39.

15. **Тимошина Т.М.** Экономическая история России: учеб. пособие. М., 2001. 432 с.

16. **Тойнби А.Дж.** Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб., 2006. 408 с.

17. **Тойнби А.Дж.** Исследование истории. В 3 т. Т. 3. СПб., 2006. 479 с.

18. **Тоффлер Э., Тоффлер Х.** Война и антивоенна: что такое война и как с ней бороться на рассвете XXI века. М., 2005. 412 с.

19. **Федотова В.Г.** Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.

САМОХИН Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного технического университета.

Россия, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106

e-mail: kon-sam@yandex.ru

K. V. Samokhin

MODERNIZATION IN RUSSIAN HISTORY OF XVIII–XX CENTURIES: STARTING CONDITIONS, REALIZATION MECHANISM AND DISPLAY PECULIARITIES

The characteristic features of Russian modernization variant are highlighted in the paper. The principal originality of author's approach consists in war's interpretation as Russian modernization factor. The theory of modernization was the basis of methodology. It was classically defined as the transition from the traditional society to modern one, from the agrarian society to industrial one. Such interpretation allows studying Russian state transformations of XVIII–XX centuries in all spheres of society activities. The prolonged and problematic character of modernization processes is defined in comparison with the organic model of modernization transforms. That character was connected with the non-simultaneity of those processes. Special attention is paid to the absence of start conditions satisfactory forming for carrying out of modernization processes; to the overtaking model which was realized through "challenges" of the West to the Russian (Slavic) civilization; to political elite's paramount importance for carrying out of modernization reforms; to the non-wholeness, i. e. the non-simultaneity of modernization transforms in the direction from economic sphere through the social and political one to the spiritual one. Materials of the paper can be used for effectiveness assessment of present reforms and for the new strategy of the Russian Federation political development formation.

RUSSIAN MODERNIZATION; WAR; MECHANISM; CATCH-UP MODERNISATION; NON-WHOLENESS; STARTING CONDITIONS; DISPLAY PECULIARITIES.

REFERENCES

1. Alekseyev V.V. [The Introduction]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* [A man in modernization conditions of XVIII–XX centuries: collected scientific papers]. Yekaterinburg, 2015. Pp. 7–10. (In Russ.)
2. Apresyan R.G. [Essences of social and political consolidation in contemporary Russia]. *Konsolidatsiya i modernizatsiya Rossii* [Consolidation and modernization of Russia]. Moscow, 2014. Pp. 115–133. (In Russ.)
3. *Voyennyi entsiklopedicheskiy slovar'* [The war encyclopedic dictionary]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, 2001. 848 p. (In Russ.)
4. *Istoriya Srednikh vekov* [A History of Middle Ages]. In 2 vol. Of vol. 2. Raneye novoye vremya [The early modern history]. Textbook. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)
5. Kalkhun K. [Theory of modernization and globalization: who and why developed them]. Available at: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (accessed 27.03.2016).
6. Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIIIth century (the practice of whole analyses)]. Moscow, 2001. 575 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova L.M. [The role of peasantry commune in the agrarian history and fortune of Russia]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 7 (13), vol. 3, pp. 85–90. (In Russ.)
8. Krasilshchikov V.A. [Modernization and Russia on the threshold of the XXI century]. *Issues of Philosophy*, 1993, no. 7, pp. 40–56. (In Russ.)
9. Medvedev D. [Russia, go!]. The 10th of September 2009. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (accessed 27.03.2016).
10. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [A social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)]. In 2 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, 2000. 548 p. (In Russ.)
11. [The modernization of Russia and Europe (The stenogramma of round table discussion)]. Available at: http://www.zlev.ru/41_40.htm (accessed 27.03.2016).
12. Poberezhnikov I.V. [The human potential of the Russian empire modernization]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XIX–XX vv.* [A man in modernization conditions of XVIII–XX centuries: collected scientific papers]. Yekaterinburg, 2015. Pp. 11–16. (In Russ.)
13. Porshneva O.S. *Mentalitet i sotsial'noye povedeniye rabochikh, krestyan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – mart 1918)* [The mentality and the social behavior of Russian workers, peasants and soldiers during the period of the First World War (1914 – March of 1918)]. Yekaterinburg, 2000. 416 p. (In Russ.)
14. [The Russian modernization: problems and perspectives. Proc. of a round table discussion]. *Issues of Philosophy*, 1993, no. 7, pp. 3–39. (In Russ.)
15. Timoshina T.M. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii* [An economic history of Russia]. Textbook. Moscow, 2001. 432 p. (In Russ.)
16. Toynbi A.Dzh. *Issledovaniye istorii* [A Study of History]. In 3 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, 2006. 408 p. (In Russ.)
17. Toynbi A.Dzh. *Issledovaniye istorii* [A Study of History]. In 3 vol. Of vol. 3. St. Petersburg, 2006. 479 p. (In Russ.)
18. Toffler E., Toffler Kh. *Voyna i protivopoyana: chto takoye voyna i kak s ney borotsya na rassvete XXI veka* [War and anti-war. Survival at the Dawn of the XXI Century]. Moscow, 2005. 412 p. (In Russ.)
19. Fedotova V.G. *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and Culture]. Moscow, 2016. 336 p. (In Russ.)

SAMOKHIN Konstantin V. – Tambov State Technical University.

Sovetskaya ul., 106, Tambov, 392000, Russia

e-mail: kon-sam@yandex.ru